

Бобрик О. А.

**ХРОНИКА ПАМЯТИ.
ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ДНЕВНИКОВ АРТУРА ЛУРЬЕ**

**CHRONICLE OF MEMORY.
FROM THE AMERICAN DIARIES OF ARTHUR LOURIÉ**

Аннотация. Основу публикации составляют фрагменты американских дневников и воспоминаний Артура Лурье с 1944-го по 1964 год. Мы отобрали записи, посвященные, главным образом, ровесникам и соотечественникам композитора в эмиграции и в России: Анне Ахматовой, Ольге Глебовой-Судейкиной, Сергею Кусевицкому, Александру Гречанинову, Марку Шагалу, Савелию Сорину, Сергею Судейкину и другим. Большинство фрагментов дневников публикуется впервые.

Abstract. The publication is based on the excerpts from Lourié's American diaries and memoirs, dealing for the most part with his contemporaries and compatriots (both emigrants and those who had remained in Russia), such as Anna Akhmatova, Olga Glebova-Sudeikina, Serge Koussevitzky, Aleksandr Grechaninov, Marc Chagall, Saveliy Sorin, Serge Sudeikin, etc. Most of the excerpts are published for the first time.

Ключевые слова: Артур Лурье, русская художественная эмиграция в США и Франции.

Key Words: Arthur Lourié, Russian artistic emigration in the USA and in France.

'Write! – For whom?'
'Write for the dead, for them thou lovest
in a time that is past' –
'Will they read me?' – 'Nay!'¹

Дневники Артура Сергеевича Лурье (1892–1966), которые композитор вел с 1941-го по 1964 год, являются уникальным документом эпохи. Это не только хроника его жизни и творчества, но и своего рода летопись жизни русской художественной эмиграции Нью-Йорка, написанная человеком пронизательным, умным и пристрастным, знатоком французской философско-литературной традиции, наследником культуры Серебряного века, живым и трепетным хранителем памяти о ней, способным осмыслить и измерить события настоящей той, подлинной мерой... Записи 1941–45 годов отрывочны, не привязаны к определенной дате и являются отчасти записными книжками, отчасти черновыми тетрадями для работы над докладами и статьями. Начиная с 1944 года, параллельно этим записям композитор вел дневник день за днем, фиксируя в толстых тетрадях с красной обложкой события и впечатления дня.

Круг общения Лурье в Нью-Йорке, а позже в Сан-Франциско и Принстоне, где он подолгу жил, был широк, особенно в первое десятилетие жизни в Америке. За

---

¹ «Пиши! – Для кого? Пиши для тех, кто умер, для тех, кого ты любил в прошлом. Но будут ли они читать меня? – Нет!» (http://www.naturalthinker.net/tr1/texts/Kierkegaard,Soren/JournPapers/IV_A.html). Афоризм из дневников С. Кьеркегора, который Лурье несколько раз записывал в своем дневнике. Цит. по дневниковой записи Лурье от 16 января 1946 года с сохранением его орфографии и пунктуации.

редким исключением, в него входили все выдающиеся представители русской художественной и музыкальной диаспоры: Сергей Александрович Кусевицкий, Владимир Самойлович Горовиц, Александр Кириллович Боровский, Александр Тихонович Гречанинов, Сэмюэл Душкин, Владимир Александрович Дукельский, Марк Захарович Шагал, Савелий Абрамович Сорин, Сергей Юрьевич Судейкин, Мстислав Валерианович Добужинский, Борис Георгиевич Романов и многие другие, большинство которых – «знакомцы давние», еще со времен петербургской молодости. Не менее значимым был круг французских друзей и знакомых, образовавшийся в период жизни Лурье в Париже, с самыми близкими из которых – французским философом-неотомистом Жаком Маритеном и его женой Раисой – Лурье находился в контакте постоянно, в годы разлуки общаясь с ними посредством писем. Важным для Лурье средоточием интеллектуальной и духовной жизни на протяжении почти всего времени, отраженного в дневнике, был экуменический кружок «Третий час», основанный в 1945 году при его участии Еленой Александровной Извольской и Ирмой Владимировной Манциарли (обе они принадлежали к парижскому окружению Бердяева).

И все же круг общения Лурье в Америке, такой богатый в первое десятилетие его пребывания за океаном, естественным образом и неумолимо редел: композитор становился свидетелем ухода нескольких поколений своих современников. Один за другим умирали О. А. Глебова-Судейкина, Бела Барток, Антон Веберн, С. Ю. Судейкин, Н. А. Бердяев, Жорж Бернанос, Б. В. Асафьев, Вяч. И. Иванов, Арнольд Шёнберг, С. А. Кусевицкий, С. С. Прокофьев, С. А. Сорин, А. Т. Гречанинов, Ф. А. Гартман, Б. Л. Пастернак, Димитри Митропулос, Э. А. Купер, Ида Рубинштейн... С большинством из них Лурье был лично знаком, поэтому записи в его дневнике представляют собой запечатление концов не только их, но и своей жизни, подведение итогов, выражение последних смыслов – человеческого существования, искусства, мира.

Не только это, но и общий ход истории, события пережитой войны, ставившие под сомнение само существование и смысл европейской цивилизации, переживались Лурье глубоко трагически. Его мировоззрение – мировоззрение христианина, католика – в последние годы жизни во многом определялось христианской эсхатологией, ощущением наступления «последних времен». Многие явления окружающего его мира он видел в свете своей жизненной трагедии: одиночества, забвения (музыка его исполнялась все реже и реже), усиливавшихся приступов мучительной болезни. Это трагическое и горькое переживание гибели культуры только обострялось на фоне американской жизни, остававшейся ему глубокой чуждой. Все сказанное и стало основанием выбора для публикации именно тех фрагментов дневников, которые посвящены прощанию Лурье с эпохой и с близкими ему людьми.

После смерти Лурье дневники были переданы его другу Жану Лалуа. Ныне, когда его уже нет в живых, они хранятся в Архиве Лурье в базельском Фонде Пауля Захера (досье 8). Подготовка дневников к публикации вряд ли была бы возможна без помощи Л. З. Корабельниковой, передавшей нам копии значительной части дневников, полученных ею в середине 1990-х годов от сына Жана Лалуа Венсана².

Лурье писал дневник преимущественно в новой орфографии. В данной публикации полностью (за исключением специфического употребления дефисов и отдельных элементов старой орфографии) сохранены орфография и пунктуация оригинала. Дневниковые записи дополнены фрагментами других документов, главным образом, статей и воспоминаний самого Лурье.

² Связаться с Венсаном Лалуа Л. З. Корабельниковой помогла Элиан Мок-Бикер, автор книги об О. А. Глебовой-Судейкиной «Коломба десятилетия».

1944

3 сентября, воскресенье

Вчера умерла Белла Шагал. После двухдневной болезни³. —

6 сентября, среда

Погребение бедной Беллы Шагал. В синагогальной часовне.

На кладбище.

Вернулся с Maritain'ами⁴.

Потом несколько часов пробыл с Шагалом и Идой⁵ у них дома. —

Незабываемое впечатление вынос гроба из синагоги с Шагалом, припавшим в слезах, и Идой, скорбной с белыми от горя глазами.

1945

26 марта, понедельник

<...>

Письмо от Генриетты Гиршман⁶. Вера Стр[авинская?] ей написал [sic] сведения о Тамаре и об Ольге⁷. Тамара со своей семьей в Négas⁸ в бедности и голоде. Ольга — в госпитале в туберкулезе. Птицы ее погибли от бомбы. Как я ее уговаривал переехать в мою квартиру, еще в день моего отъезда из Парижа! —

Написал письмо Тамаре (пойдет с Michel Rapoport⁹).

Из воспоминаний Лурье об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной

В Париже Ольга Афанасьевна поселилась под самой крышей семиэтажного дома, в районе Отэй. Жила она высокой жизнью бедной артистки; на хлеб насущный зарабатывала тем, что делала художественные вышивки. До сегодняшнего дня над моим роялем висит шитая бисером картина Ольги Афанасьевны, подаренная ею мне. Как и в петербургские годы, она продолжала оставаться волшебной феей, рассыпающей чары; ее присутствие украшало жизнь, и ни одно собрание друзей в моей студии не обходилось без дорогой Ольги. Невозможно забыть ее чтение стихов, Блока в особенности; она любила читать «Снежную маску», и еще «Свирель запела на мосту», — с трогательным чувством и выражением. Читала она также Верлена, Рэмбо, Бодлера, Маллармэ¹⁰ <...>.

К этому же времени относится страсть Ольги Афанасьевны к птицам. Все началось с клетки для птиц, очень красивой и декоративной, которую подарил ей Меллер-Закомельский¹¹, переезжавший на другую квартиру. Сначала появились канарейки; затем — попугайчики, воробьи, горлинки... С птицами

³ Белла Самойловна Шагал (1895, по другим сведениям 1889–1944), жена Марка Шагала, актриса, переводчица, писательница умерла от скоротечного сепсиса.

⁴ Присутствие Жака и Раисы Маритен на похоронах Беллы Шагал объясняется дружбой с семьей художника. Марк Шагал и Маритены были близки, о чем свидетельствует многолетняя переписка: с конца 1920-х по 1972 год, хранящаяся в «Центре изучения наследия Жака и Раисы Маритен» (Cercle d'Études Jacques & Raïssa Maritain, Kolbsheim, France). См. также: Raïssa Maritain. Les Grandes Amitiés. Éditions Parole et Silence, 2000. P. 347, 351.

⁵ Ида Марковна Шагал-Мейер (1916–1994), художница, ассистентка отца, организатор выставок его работ.

⁶ Генриетта Леопольдовна Гиршман (1885–1970), художница, коллекционер, в 1940-х годах — личный секретарь С. А. Кусевицкого.

⁷ Тамара Михайловна Персиц (Кобеко) (?–1955), издательница, меценатка, жена Лурье с 1922го по начало 1930-х годов.

⁸ Нерак, городок на юге Франции.

⁹ Мишель Гордей (наст. имя Рапопорт Михаил Самойлович) (1913–2005), журналист, работал на радиостанции «Голос Америки», впоследствии корреспондент газет Le Monde, Newsday и др.

¹⁰ Неизданные переводы стихов Малларме, Бодлера, Верлена и др., сделанные О. А. Глебовой-Судейкиной, хранятся ныне в Фонтанном доме (Ф. 9 (Элиан Мок-Бикер). Оп. 1. 1 (5)).

¹¹ Александр Николаевич Меллер-Закомельский (1844–1928), барон, генерал, государственный деятель. С 1918 жил в эмиграции во Франции.

Ольга Афанасьевна возилась целый день, и знала каждую из них; она их кормила каким-то особенным образом, лечила, чистила клетки; птицы выводили птенцов, летали по комнате, садились куда попало и не давали покоя своим щебетом и гамом. Наш общий друг, художник Милиотти, старинный обожатель Ольги Афанасьевны, которому одна из ее горлинок почему-то всегда клевала голову, порой приходил в бешенство от птичьего засилья и гама, и кричал: «Довольно! или я – или горлинки!»

Птицы были косвенной причиной гибели Ольги Афанасьевны. Перед своим отъездом из Парижа я уговаривал ее занять мою квартиру на авеню Мозар¹², но туда невозможно было перевезти птиц, и она предпочла остаться в своей мансарде в Отэй. Во время последних бомбардировок Парижа немцами, снаряд попал в мансарду Ольги Афанасьевны; она никогда не пряталась в абри¹³, но в тот раз задержалась внизу, на лестнице, возвращаясь из лавки, и соседи стащили ее в абри. Половину дома срезало снарядом; угол был отбит, и комната висела над бездной. После этого разгрома и гибели птиц Ольга Афанасьевна никогда не оправилась; тогда же началась ее болезнь, от которой она сгорела как свеча.

<...>

Я прибежал проститься с Ольгой Афанасьевной перед самым своим отъездом из Парижа, и был так убит горем, расставаясь с самым близким мне человеком, что не помню обстоятельств нашего прощанья. На дорогу Ольга дала мне старинный медный крест. И хлеб. Оба мы заливались слезами. Мы оплакивали нашу молодость. Мы оплакивали нашу погибавшую Европу¹⁴.

29 марта, четверг

† Ольга умерла — в Париже¹⁵. Месяц тому назад. В больнице, в одиночестве. (Сообщил Милиотти — Гиршман¹⁶.) С открытым туберкулезом, в нищете и утратив абсолютно все в жизни. Великий и страшный конец завершивший ее жизненный путь к истине и свету — последних лет. Бедная моя Ольга! Незабвенная! На душе у меня как камень лег, и никто никогда его уже не снимет. С ее кончиной еще одна живая нить оборвалась и пустота вокруг еще сильнее обозначилась. — Пинисалин¹⁷, который отсюда повезут Жак Maritain и Michel Rapoport ей уже не помогут. —

Был вечером у Сорина¹⁸, которому сообщил о кончине Ольги. Он плакал.

16 апреля, понедельник

Открытое письмо от Тамары из Nérac (от 1-го марта)¹⁹. Первое письмо за 4 года. Ольга умерла в полночь 18-го января. Она похоронена в St Geneviève des Bois.

<...>

28 сентября, пятница

На похоронах Bela Bartok'a²⁰.

¹² Лурье жил в Париже по адресу: 11, avenue Mozart.

¹³ Abri de bombardement, abri — бомбоубежище; франц.

¹⁴ Лурье А. Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина // Воздушные пути: Альманах. Вып. V. Нью-Йорк, 1967. С. 143–145.

¹⁵ Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина скончалась в Париже 19 января 1945 года.

¹⁶ Известие о смерти Ольги Глебовой-Судейкиной пришло в США от художника Николая Дмитриевича Милиотти (Милиоти) (1874–1962). Милиотти и Генриетта Леопольдовна Гиршман были знакомы еще с петербургских времен.

¹⁷ Лурье еще не определился с тем, как транскрибировать по-русски название пенициллина (penicillin), антибиотика, открытого в 1928 году и широко применявшегося с 1940-х.

¹⁸ Савелий Абрамович Сорин (1880–1953), художник-портретист, был другом Ольги Глебовой-Судейкиной с 1910-х годов.

¹⁹ Местонахождение писем Тамары Персиц к Артуру Лурье нам не известно.

²⁰ Бела Барток умер от лейкоза 26 сентября 1945 года.

Мало народу. Никого из американских композиторов и критиков. Только несколько европейских музыкантов и публика неизвестная мне²¹. —
<...>

10 декабря, понедельник

Зилоти скончался вчера²².

Панихида сегодня в 8 часов на 121 улице. Похороны завтра в 11 утра. Был у него в 1941 и (42 году?) все собирался опять. Идет снег, большими хлопьями. Первый снег в эту зиму.

Почти никого из музыкантов в церкви. Рядом со мною Добужинский с женой. Холодная и безличная панихида. Ничего теплого, живого. —

Ко мне подошел Вл[адимир] Дроздов²³. Не видел его со времени консерватории. Он такой же, только седой. Очень воспитанный и сдержанный. Как будто ничего не произошло в мире! Как это возможно? —

1946

5—7 июля, пятница — воскресенье

Мои современники. Кто были мои современники? В петербургский период: Скрябин, Debussy, Блок. Ахматова. Ольга. Сологуб. Вяч[еслав] Иванов. Андрей Белый. Осип Мандельштам. Кузмин. Розанов. Чурлянис. Хлебников. Митурич. Бруни. Пунин. Татлин. Кто еще? Еще многие тогда. И Нева, Зимний Дворец. Летний сад, Академия Худ[ожеств], Царское село.

В Берлине в 1922—23 году. Только один лишь Busoni. — В Париже: Стравинский. Потом Maritain. Настоящая близость была только со Стравинским. Мучительная, на притяжениях и отталкиваниях. Привлекала к нему тогда легкость и непосредственность. Сила жизненного тока. Общие с ним черты в аппетите к жизни, в пластическом ее ощущении, чувство жеста, вкус, запах вещей. Отталкивали — деспотизм, эгоцентризм доходящий до уродливых, чудовищных форм, примитивность душевного склада переходившая в грубость и тупую самоуверенность (лично на себе этого с ним никогда не чувствовал, но в окружении) — непреодолимая трусость. — Кончилось разрывом — навсегда. Возврата друг к другу у нас нет и не будет никогда. Louis Laloy²⁴. С ним было весело, наименее педантичный из всех музыкантов, которых встречал когда либо. Я любил его злой и тонкий ум. — Шестов. Помог мне найти верную, свою линию в философском лабиринте. Один из самых мужественных и дерзновенных. Чистый. Еще кто? Еще Борис Шлёцер, со всеми его слабостями и упрямством, тоже чистый и честный друг²⁵. Vandelle²⁶.

Жоузе. — Он меня учил постижению современного образа мира в его вечных миражах. Артистизму в его самых свободных, творческих проявлениях. Подлинно честному искусству быть верным себе. 10 лет вчитывался в Ulysses. Потом в Finnegans Wake. Единственная книга, которую увез из своей парижской библиотеки. Носил ее с собой на прогулках в парке Vichy в момент катастрофы, когда

²¹ Барток был похоронен на нью-йоркском кладбище Фернклифф. Судя по продолжению записей Лурье, на его похоронах мог присутствовать также Эдгар Варез.

²² Александр Ильич Зилоти умер 8 декабря 1945 года.

²³ Владимир Николаевич Дроздов (1882—1960), пианист, ученик А. Н. Есиповой, преподаватель Петербургской консерватории в период учебы в ней Лурье, родной брат его консерваторского педагога по фортепиано А. Н. Дроздова.

²⁴ Луи Лалуа (1874—1944), французский музыковед и литературовед, русист и китаист, писатель, отец дипломата Жана Лалуа (1912—1994), близкого друга и впоследствии наследника Лурье.

²⁵ Борис Федорович Шлёцер (1881—1969) был единственным из русских музыкальных критиков в Париже, кто своими откликами в печати поддерживал Лурье как композитора. См., например его статью, посвященную Первой симфонии Лурье: Шлёцер Б. Музыкальные заметки // Последние новости. 1938. № 6216 (2 апреля). С. 5.

²⁶ Ромуальд Вандель (1895—1969), композитор, переводчик, друг Лурье и Ольги Глебовой-Судейкиной.

рушилась 3-ья республика, в толпе бывших министров, сенаторов и депутатов. Он жил там же рядом в деревне переехав из Vichy через несколько дней после моего приезда. В Париже судьба столкнула нас в последний момент зимой 1939 года и весной 1940-го, в ресторане на avenue Mozart. Встречал его там в продолжении нескольких недель каждый день одного, а до того за 18 лет жизни в Париже — лишь случайных две, три встречи, в толпе, на отдалении. Теперь, здесь, кто? Елена Извольская²⁷. Emma Matina²⁸. Кутузов²⁹. — А Кусевицкий? Да, конечно, Кусевицкий тоже мой современник. Впрочем Кусевицкий всем современник, быть может, только лишь не самому себе. —

А большевики? Ну, вот, какие же они современники! Никогда не были. Они как муравьи, которые здесь по траве бегают, как гусеницы, тараканы, клопы и не знаю что еще. Вот уж никогда не были современниками. Не только большевики, но вообще — какие либо «социалисты». Даже в первые годы революции. Тогда современниками были: Ленин. Луначарский (отчасти). Нат[алья] Ив[ановна] Троцкая³⁰. Над[ежда] Конст[антиновна] Крупская. Сестры Менжинские³¹. Но не большевики вообще, и никакая власть, никогда не была и не будет.

7 августа, среда

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала
(Ахматова)³²
<...>

14 августа, среда

<...>

Приехав [в Rockland Lake³³], узнал, что Сергей Судейкин скоропостижно скончался. Он умер в понедельник 12-го в госпитале в Нуаск'е (узнаю об этом из газет)³⁴. Он был на ферме Толстого уже недели две. Я все думал что мы опять встретимся. С тех пор как он не пришел на панихиду по Ольге, я с ним больше не видался. Ему суждено было пережить Ольгу на 1 ½ года. В прошлом году он перенес тяжелую болезнь. При последнем нашем свидании он был землисто-зеленый, дышал с трудом, ожиревший, но разговоры были как всегда бредовые, сумбурные и эгоцентрические. С его смертью отрываются последние корни петербургской жизни и молодости. Он родился в 1882 году, в том же поколении (в том же году), что и Игорь и Jacques. Боялся очень смерти, избегал говорить о ней, не был никогда на похоронах самых близких ему людей. Но при всем сумбуре жизни, страстей и мыслей, он был настоящим артистом, чутким и чистым. У него была душа подлинного артиста. Искусство было главным смыслом его жизни.

²⁷ Елена Александровна Извольская (1896–1975), писательница, переводчица, основательница экуменистического кружка и журнала «Третий час», в деятельности которых Лурье принимал активное участие.

²⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

²⁹ Сергей Александрович Голенищев-Кутузов (1885–1950), граф, церковный общественный деятель (староста Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке), друг Лурье.

³⁰ Наталья Ивановна Седова-Троцкая (1882–1962), вторая жена Л. Д. Троцкого. С 1918 по 1927 она заведовала Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, что могло быть поводом для знакомства с Лурье, который одновременно (с 1918-го по 1921 год) был заведующим Музыкальным отделом Наркомпроса.

³¹ Сестры Менжинские: Вера Рудольфовна Менжинская (1872–1944) и Людмила Рудольфовна Менжинская (1878–1933). Сестры знаменитого революционера и впоследствии чекиста В. Р. Менжинского после революции были сотрудницами советского государственного аппарата: Вера Рудольфовна — заведующей Театральным отделом Наркомпроса, Людмила Рудольфовна — заведующей Главным управлением социального воспитания Наркомпроса.

³² Двустихие Ахматовой «От других мне хвала — что зола» (1931), включенное в сборник «Ива», Лурье мог знать по изданию «Из шести книг» (Л.: Советский писатель, 1940. С. 28).

³³ Рокленд-Лейк — деревня на окраине городка Конджерс примерно в 30 километрах на севере от Нью-Йорка в гористой местности (недалеко от озера Рокленд-Лейк и берега реки Гудзон).

³⁴ Найак — деревня на берегу Гудзона к югу от Конджерса. Некролог Сергею Судейкину был опубликован в нью-йоркской газете «Новое русское слово», которую Лурье регулярно просматривал (Новое русское слово. 1946. № 12526 (14 августа). С. 1).

Из статьи «Памяти С. Ю. Судейкина» Михаила Букиника:

Сообщение о кончине Судейкина потрясло меня, как всякая смерть; она явилась неожиданной и преждевременной. Слишком много чувствовалось в С. Ю. жизненных сил, чтобы представить себе его истощенным. Правда, он физически отяжелел. <...> Я едва ли бы узнал его, когда мы встретились в Америке, если бы он сам не напомнил о себе. С. Ю. внешне очень изменился. Трудно было опознать в этом большом тучном человеке, с жидкими волосами на голове и суровым выражением лица, прежнего молодого, начинающего художника Судейкина.

С первого же моего посещения его в Нью-Йорке, пришлось убедиться, что война, революция и скитания по свету, наложили отпечаток на его характер. Он был пессимистически настроен, раздражителен, нервен и видимо неудовлетворен. Но за всем этим чувствовалась глубокая работа мысли, независимость и крупная индивидуальность. Его художественные вкусы были устойчивы, и он их не менял на чужбине. Правда, для материальных целей, он пытался подладиться под вкус американских покупателей, но это редко ему удавалось.

Иногда ему казалось, что он интернационален, и ему одинаково дорого искусство Франции или Америки, и что он мог бы писать так же хорошо для французов, как и для американцев. Но он ошибался. Он оставался русским и мог развернуть свой талант только, когда соприкасался с русской стихией, Стравинский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Черепнин – вот те творцы, которые вдохновляли его, и к музыке которых он писал свои великолепные декорации³⁵.

10 октября, четверг

Пустой день, бесплодный. <...>

Вечером в балете. Очень спустя рукава все, бесцеремонное обращение с музыкой (Чайковский дивертиссмент из «Спящей»), плохо сретировано, скверный оркестр, кордебалет – комически слабый, и плохие исполнители в главных партиях. Все рассчитано на коммерческий успех у «янки». Но с большим волнением смотрел «Паганини» в декорациях Судейкина, очень его выражающую вещь³⁶. Кроме личной его судьбы связанной с этой последней его театральной работой, волнуют итальянские настроения, воспринятые им от Ольги, я чувствовал присутствие ее тени на этом спектакле, почти что воплощение ее образа. Смотрел с трепетом и щемящей тоской. Среди толпы равнодушных людей я один был свидетелем.

18 декабря, среда

<...>

Был с визитом у знакомой Тамары и получил у нее вышивки Ольги. Одна старинная, шитая бисером еще из России, вторая, едва начатая последняя ее работа. – Фигура Амура и цветы шитые шелками, остальное в эскизе карандашом. Благодаря этим вышивкам Ольга будет с нами в это Рождество.

1947

18 января, суббота

† Вторая годовщина смерти Ольги. Уже два года. –

<...>

27 января, понедельник

Утром по телефону сообщили, что вчера скончалась Марья Григ[орьевна] Гречанинова³⁷. С нею был снова удар и уже паралич. Ее перевезли в больницу

³⁵ Новое русское слово. 1946. № 12530 (18 августа). С. 5.

³⁶ Лурье был на спектакле антрепризы «Русские балеты полковника де Базиля» и смотрел балет «Паганини» на музыку Рахманинова в хореографии Фокина и с декорациями Судейкина. Главную партию в балете «Паганини» исполнял Владимир Докудовский.

³⁷ Мария Григорьевна Гречанинова умерла 26 января 1947 года.

где она и умерла. <...> Днем был [у] Гречанинова и провел с ним два часа. В эти столь тяжелые для него дни он обнаружил опять ту же цельность и простоту, которую в нем видел и ценил. Ни тени позы, ханжества или кривлянья. Скорее сухость и четкость, но при этом внешнем спокойствии он говорил такие вещи, которые глубоко волнуют, и как подлинный артист. Она была при полном сознании до последней минуты, они прощались, он вспоминал свою любовь к ней и годы прошедшие, она его слышала и кивала ему. Ее простота в отношении к смерти и ее мужество — оправдали все ее прошлое, и опять, та же удивительная цельность характера и единство мысли и жизни. Последние цельные фигуры.

28 января, вторник

Утром с Элла в русской соборной церкви на похоронах Марьи Григорьевны. Она спокойная в гробу, без тени мѹки и страха. Кажется, что так просто перешла из этого тлена в вечность. Вокруг друзья и знакомые со свечами перед непроницаемой тайной и напуганные, страх смерти видишь в глазах и слов для этого нет. — Опять этот быт церковный, и эти «домашние» интонации в произнесении таких замечательных текстов, глубоко волнующих. — А священник с толстым животом ходит кругом, снаряжает покойницу как в путешествие и упаковывает гроб с вещами в дорогу, чтобы «все было в порядке», и как бы не забыть чего либо. — Какое страшное язычество сидит еще во всем этом, египетское, славянское, и все говорит, говорит, чтобы «заговорить» смерть, заговорить самый ужас смерти, и все это по-детски беспомощно, все «около да вокруг», а ужас и тайна и величие остаются нерушимыми и непостижимы ни на йоту. — А на улице солнце сияет и весна в январе и воздух пряный и нежный... Дети щебечут и птицы.

<...>

22 февраля, суббота

Весь день дома. Читаю Блока. За 25 лет ничто не поблекло, все выросло, стало безмерно значительнее, и эта страшная сила правды в нем, на всей линии жизни, и такой пронзительной искренности. Теперь только видно, как многое в нем, точно сквозь туман и тайные предчувствия — связывается с современным, новым, о чем не знали прежде. — τό τίπίωτατον — (Плотин). (Самое важное, значительное³⁸) — здесь на каждом шагу, только об этом речь. — Конечно колорит эпохи другой, и весь символизм, и предреволюционные грозы и темы «интеллигенция и народ»³⁹, и религиозные отталкивания и приближения — все это уже в далеком прошлом и кажется чуждым сейчас, но многое выросло из зерен брошенных в те годы и связь останется еще надолго. Блок, конечно, не непогрешим. У него были свои заблуждения, их было не так уж много. Вернее это были блуждания, но никогда его не покидало чувство ответственности, за каждое слово, каждое действие. Он значительнее и Rilke и Eliot'a. И поэтическое дарование больше и внутренняя настроенность выше, конкретнее и ближе к жизни, в самой стихии ее. Но все же только эти двое близки ему в современном опыте.

5 марта, среда

Набросок речи в память Марь Григорьевны Гречаниновой, для собрания в пятницу вечером. Очень трудно найти тон и слова для такого собрания. Он так

³⁸ Перевод приведенного выше высказывания Плотина с греческого вписан самим Лурье.

³⁹ В размышлениях Лурье возникают темы «коренные» для Блока и запечатленные им во многих стихах и статьях. Комментируемая запись Лурье ближе всего статье Блока «Интеллигенция и народ» (1908), являющейся откликом на «Исповедь» Максима Горького. Это очевидно не только из упоминания названия статьи, но и из общего смысла высказывания о чувстве ответственности интеллигента перед народом: «общественное чувство, перешедшее в сознание, и заставляет интеллигента почувствовать ответственность свою перед целым, хочет он или не хочет, подойти к вопросам о болезнях всероссийских; и, мне думается, да и сама действительность показывает, что насущнейшим из таких вопросов является вопрос об «интеллигенции» и «народе» (Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. Л.: Художественная литература, 1982. С. 106).

настаивал, что отказаться от выступления было невозможно. А теперь думаю с тоской, как это будет. С памятью о Марье Григор[ьевне] связаны для меня два имени: Вячеслава Иванова и Гершензона. Я об этом и скажу. —

<...>

7—8 марта, пятница, суббота

<...>

Вечером у Гречанинова. Дикое зрелище. Служили панихиду, потом я говорил свою речь в память Марьи Григорьевны перед людьми, которым все сказанное было чуждо и непонятно на три четверти. Слушали очень внимательно, в напряженной тишине. Но публика (собралось человек 60) вела себя весь вечер так если бы они пришли повеселиться на cocktail-party. После меня говорила Сазонова, слащаво, приторные вещи и общие места⁴⁰. Куренко пела любимые пьесы Мар[ии] Григ[орьевны] и сыграли трио струнное с ф.-п. — Элла была так напугана этой публикой, что уговаривала меня, как только мы приехали туда, отказаться от выступления и сейчас же вернуться домой. Я было пытался сделать это, но Гречанинов разволновался и не отпустил меня. — Был там Добужинский, который скал мне сквозь зубы: «Очень интересно, то что вы сказали». Была С[офья] П[регель]⁴¹ слушавшая внимательно, но ни слова не сказала, кроме того, что Вяч[еслав] Ив[анов] будто бы агитировал в пользу Гитлера во время войны⁴².

<...>

Думал сегодня ночью о том, что жить в Америке еще возможно. Страшно трудно, внутренне. Очень, очень трудно, но все же возможно. Но мысль о смерти здесь — совершенно невыносима. Умирать нужно уезжать отсюда, куда угодно, но только не здесь. Так и кажется, что как только умрешь, так сейчас же превратишься... в зубную пасту, в кусок мыла для бритья, в Соса-сола или же что-нибудь подобное. Отсюда пути нет ни на небеса, ни в преисподнюю, а пути все ведут на какие-то фабрики где и самые души превращаются в коммерческие фабрикаты...⁴³

<...>

Из речи Лурье памяти Марии Григорьевны Гречаниновой

Когда человек уходит безвозвратно — отношение к нему меняется. Мы теряем меру. Какую меру? Ту, которой мы мерили для живых? Ведь верной меры нет у нас ни для кого. К живым у нас слепое чувство, как бы их бессмертия, все кажется еще поправимым, все может быть изменено. Кажется, что времени для них много. К умершим скрытое чувство вины, покаяния. Все, конечно, ничто уже не поправимо, ничто не может быть изменено. Какая страшная ошибка, которой мы все подвержены, в этом ложном чувстве бессмертия живых, и конца ушедших. Покаяние вызываемое смертью; это отношение между чем-то, что прошло, и теми кто занимал незаменимое место в жизни. Оно остается нам единственной реальностью. На нее распространяется наша

⁴⁰ Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская) (1887–1957), поэтесса, литературный критик, историк театра, режиссер. Родная сестра композитора и музыкального писателя Н. А. Слонимского.

⁴¹ София Юльевна Прегель (1897–1972), писательница, поэтесса, меценат. Издатель и редактор журнала «Новоселье», в котором в 1940-х годах выходили статьи Лурье.

⁴² Сведений, позволяющих подтвердить или опровергнуть это высказывание, нам найти не удалось.

⁴³ Эти строки воспринимаются как своего рода искаженное эхо, зеркальное отражение слов о Петербурге, записанных Александром Блоком в 1905 году: «...опять страшная злоба на Петербург закипает во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удадь мается и чахнет, окружено такими безднами, такими бездонными топями, которых око человека не видело, ухо — не слышало. <...> Еще долго близ Лахты будет водиться откровение, небесные зори будут волновать грудь и пересыпать ее солью слез, будет Мировая Несказанность влечь из клоаки. <...> Но надо, надо понять, что в Петербурге легче, чем где-либо, умереть, без мучений — застрять и заглохнуть» (Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.—Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 130–131).

память. Остальное уже недостижимо. Быть может поэтому путают вечность с забвением, что не одно и то же. Как и неверно то, что время «все меняет». Время ничего не меняет. То, что произошло сто лет тому назад, не теряет свое значение только потому, что прошло столетие.

Смерть Пушкина, последние дни его, имеют для нас такую же пронзительную силу сейчас, как и смерть Сократа за две с половиной тысячи лет до него, и оба эти события равны таким же событиям наших дней. Мы их переживаем не как факты истории, а как вневременные. Они современны нам потому, что произошли на тех же основаниях, и по тем же причинам, по которым агонизируют поэты, и подносят отравленную чашу мыслителю в наши дни. Дело нашей совести знать об этом, и видеть это. – Марья Григорьевна принадлежала к редкой уже теперь породе людей, которые это знали и видели. Она принадлежала к единой семье, связанной одной культурой, и неделимой по национальным признакам: на русских, французов, англичан или китайцев. Для нее не существовало фетишизма имени, который прощает одним то, что не прощает другим. Люди были для нее равны, в единственном плане их равенства – в страдании; перед жизнью, перед правдой, перед светлым смыслом творческого труда. Ее внимательный взгляд умел различать людей. Улыбаясь, она всматривалась в лица, и видела в них все живое. С каким вниманием и жаром она говорила об этом. Но она умела и смеяться над человеческой глупостью, над пошлостью и лицемерием. Поэтому ее боялись, и при ней подтягивались. Она не судила людей и прощала им слабости, но она умела острым взглядом, и несколькими меткими словами снимать чешую, и ставить все на свое место. Она знала порядок вещей в мире, их настоящий, иерархический порядок.

Она была подругой музыканта. Музыкант это не тот, кто придумывает необыкновенные созвучия. Этого недостаточно. Она была подругой настоящего музыканта. Александр Тихонович – большой художник. Наш трудный век он сумел прожить оставаясь всегда цельным, честным и верным тому, что было для него важнее всего. Про него по праву можно сказать, что он верен русскому идеалу. Поэтому он и согласился смиренно на всю жизнь, служить музыке, а не заставляя ее служить себе, и возить его в автомобиле или на аэроплане. Загадка его молодости – удивительная крепость духа, внутренняя скромность и прямолинейная простота. Кажется, что понимаешь эту загадку, когда слышишь его слова о России, о его детстве, и о годах музыкальной работы. Они звучат такой же неприкрашенной правдой, и искренностью, как и его музыкальные сочинения. Мы знаем, что Марья Григорьевна имела большое значение в его жизни⁴⁴.

2 мая, пятница

<...> Прошлой ночью я видел мою бедную Ольгу во сне, в первый раз после ее смерти. Она была как всегда, уютная, спокойная и тихая, но глаза ее были закрыты. Мы сидели где-то за чайным столом и были еще другие люди. Тамара тоже была. Ольга вышла из комнаты, потом вернулась. Я ее нежно обнял и прижал ее голову к плечу. Почувствовал ледяной холод. <...>

1948

25 марта, четверг

Причастился Св. Тайн в Соборе Св. Патрика⁴⁵.

Дома, из русской газеты, узнал о том, что во вторник (23-го) в Париже скончался Николай Александрович Бердяев. Большое горе для нас всех, кто были духовно с ним связаны. Он один из последних хранителей чистой духовной линии, и мужественно умевший говорить правду обо всем сейчас происходящем в мире. Его последняя книга «На пороге новой эпохи», лучшее что я читал за последние

⁴⁴ Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 19.

⁴⁵ Собор святого Патрика (St. Patrick's Cathedral) – кафедральный католический собор Нью-Йорка (14 East 51st Street NY).

годы. Его взгляд на судьбы России и ее назначение в историческом процессе — мне лично очень близок. Без него пустота и холод становятся еще страшнее и мучительнее. Он был подлинным духовным авторитетом, и без всякого вкуса к личной власти, что особенно было ценно в нем.

<...>

11 мая, вторник

<...>

Купил в советском магазине полное собрание стихов Блока. Двухтомное издание, только что полученное из России. Второй том напечатан впервые, в него вошли неизданные юношеские стихи и варианты ко всем каноническим стихам, и комментарий, совсем не плохо сделанный. Не плоха и вступительная статья, с упоминанием, конечно, о «неизбежной Ленино-Сталинской идеологии, отсутствующей у Блока». — Читал под дня, с огромным волнением, охваченный потоком воспоминаний⁴⁶.

18 мая, вторник

<...>

Бессонная ночь, и вдруг воспоминание, такое далекое... Хлебников. Он был влюблен в Ольгу. Восторженно и возвышенно-безнадежно. Она к нему мило отнеслась, приглашала, и он приходил иногда на чашку чая. В чужом длинном сюртуке, с короткими рукавами, из которых торчали тонкие, аскетические руки без манжет. Сидел за столом нахохленный, как сова, серьезный и строгий. Молчал, изредка роняя отдельные слова, иногда читал стихи. Он что-то написал тогда для нее специально. Помню, как тогда же, в один из своих визитов он впервые прочел: «Волк говорит, я тело юноши ем»⁴⁷. Мы потом часто повторяли эти стихи и любили их⁴⁸.

7 июля, среда

<...>

Умер Georges Bernanos⁴⁹, в Париже в американском госпитале, после операции.

Как я любил когда-то его книги, и как, теперь кажется, давно уже это было! Узнал об этом от Жака. Видел сегодня его и Раису у них, в гостинице.

Как мир опустел! Как в нем становится нестерпимо, скучно и тошно!

Сегодня свежо, дышится легче после этих дней тропической жары. Даже это утешение. Маленькая передышка. —

1949

2 февраля, среда

† Умер Борис Асафьев! Узнал сегодня из газет⁵⁰. Господи, сколько воспоминаний с ним связано! Он был моим ближайшим помощником по музыкальной работе

⁴⁶ Речь идет об издании: Блок А. Полное собрание стихотворений в 2 томах. Вступ. статья и примеч. В. Орлова. М.: Советский писатель, 1946.

⁴⁷ У Хлебникова так: «Где волк воскликнул кровью: // «Эй! Я юноши тело ем», — // Там скажет мать: «Дала сынов я». — // «Мы, старцы, рассудим, что делаем. // Правда, что юноши стали дешевле? // Дешевле земли, бочки воды и темчи углей?». См.: Хлебников В. Война в мышеловке (1915—1922) // Велимир Хлебников. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 2. Поэмы и «сверхповести», драматические произведения. СПб.: «Академический проект», 2001. С. 296.

⁴⁸ Этот фрагмент дневника в несколько измененном виде впоследствии вошел в статью Лурье «Детский рай» (Лурье А. Детский рай // Воздушные пути: Альманах. Вып. III. Нью-Йорк, 1963. С. 164—165).

⁴⁹ Жорж Бернанос (1888—1948), французский писатель, друг семьи Маритен.

⁵⁰ Невозможно установить, в какой именно советской газете Лурье прочитал некролог Асафьеву. 29 января, через два дня после смерти Асафьева, некрологи были опубликованы в «Правде», «Известиях», «Советском искусстве» и т. д. Все три названные газеты Лурье время от времени просматривал.

в революционные годы в Петербурге. Очень тонкий музык[альный] мыслитель, он сумел выработать новые методы музык[ального] анализа и критики, открыв свежие, неисследованные пути сближения музык[ального] творчества с общей культурой. Слабый характер, отсутствие мужества и сложные личные комплексы привели его к компромиссам, в конечном счете, к измене самому себе, внутренним убеждениям, и свели его с настоящего пути артиста к карьеризму и угодничеству властям. На книге статей, которая вышла еще при мне, в Петербурге («Симфонические этюды»), он написал мне: «Артуру Лурье, указавшему мне путь мой»⁵¹. В мрачные зимы первых лет революции мы проводили вместе вечера, до глубокой ночи, в страстных беседах о высоких вопросах музыки и искусства⁵². Он был религиозно настроен в то время, потом все забыл, растратил и погубил. Встретились мы в Париже однажды, в конце 20-х годов, но он был уже чужой, отстраненный и не живой⁵³. —

8 марта, вторник

<...>

Ночью читал Хлебникова. Нахлынули на меня юношеские воспоминания и повеяло опять ветром из Азии. Как я любил этот ветер в былые годы! Все европейское во мне мертвое, упадническое; раздвоение, распад, сомнения, скептицизм и безволие, как и у всех. Все азиатское — живое, подлинно-жизненное, молодое, сильное, веселое и светлое, какое странное видение: Христос в Азии! В Европе Его быть не может никогда и не было! А как же тогда все великие святые и Франциск и St Jean de la † и другие⁵⁴? Или и они тоже «Азия»?

2 мая, понедельник

<...>

Вечером с Ella в cinema <...>.

Ella видела там Гречанинова. Он говорит о смерти с удивительной простотой, готов встретить ее без смятения, без протеста. Как это неожиданно для такого мало углубленного, как будто бы, человека, как он. Его поведение иногда раздражает, настойчивостью и навязыванием своей музыки, но он очень подкупает и внушает уважение когда с таким смирением сообщает, что доктор его предупредил быть готовым умереть в любой момент. При этом он совсем здоров, только старость. Как все непостижимо!

⁵¹ Экземпляр «Симфонических этюдов» с автографом Асафьева, принадлежавший Лурье, по-видимому, утрачен.

⁵² По этой записи у читателя может сложиться впечатление, что общение Лурье и Асафьева в период их совместной работы в МУЗО Наркомпроса (1918–1921) было глубоким и почти дружеским. Даже если допустить, что Лурье был настроен по отношению к Асафьеву именно так, ответной симпатии к нему Асафьев не испытывал. Об этом говорит, например, неопубликованный дневник Асафьева за 1920 год: «Вторник – кис, среду – окончательно захворал <...>, – в четверг отдышался, написал большие письма (Мясковскому – самое для меня приятное, Яковлеву – трудное, Лурье – тягостное <...>). <...> Все еще не могу спокойно воспринимать людскую мерзость. Волновался. <...> Как хочется просто пожить наплевав на всякую работу, поехать на Юг, подвигаться, полюбоваться. Господи, неужели так и умру на проклятом болоте в невольном общении с бесщедными мерзавцами вроде Лурье. Как он смело и нагло идет! <...> Неисчерпаемо жестоко бессмысленна русская жизнь и особенно ужасают те моменты, когда один и тот же человек предает, терзает, а через несколько часов или дней, как ни в чем не бывало, идет к бывшему господину. И все так: хочу повешу, хочу нет – но и в том и в другом случае по слепоте, а слепота ненависти и слепота доброго отношения. Слепые дикари» (РГАЛИ. Оп. 1. Ед.хр. 439. Л. 32–32 об.). Благодарю за помощь в поисках этого документа П. Е. Вайдман.

⁵³ Асафьев побывал в Париже осенью 1928 года.

⁵⁴ Франциск Ассизский (1182–1226), католический святой, основатель ордена францисканцев. Хуан де ла Круз (Juan de la Cruz) (1542–1591), испанский мистик и поэт.

13 августа, суббота

<...>

Автобиография Н.А. Бердяева (Самопознание) — двойственное впечатление⁵⁵. Много в этой книге мне неприятно. Трудно сказать, что именно. Прежде всего то, что в ней специфически русское. Почему? Потому что для моего слуха оно не лишено какой-то душевной грубости, вернее, тупости. Несомненная искренность и правдивость тона и изложения обнаруживают какую-то странную сухость. Чувствуется дно, конец каждой мысли и чувства, точка; и при этом какое-то спокойное самоутверждение. Слишком много личных мотивов, в объяснении фактов и оправдание их. Конечно, Бердяев был значительным и подлинным явлением, но «экзистенциальность» его — недостаточно убедительна в трагическом опыте современности, его личное мало значительно в сравнении с тем, что произошло с людьми, с общей суммой человеческого страдания. А для него каждая мелочь, его лично касающаяся, становится событием. — Никогда я не чувствовал ничего подобного по отношению к Блоку. —

1950

2 января, понедельник

Статья Ив[ана] Бунина о «Третьем Толстом», много наврано и глупости, как всегда о русском символизме⁵⁶. Между русским и французск[им] символизмом такое же приблизительно отношение, как между русским и итальянским футуризмом. Но оба они: русский и итальянский футуризм не дали ничего для искусства, были оба только эстетической позицией. А как же Хлебников? Маяковский, конечно, весьма преувеличен, и мало чего стоит. —

Подлинное творчество (в Европе) чтобы вы имели веру и упованье на Него в Бога, который воскресил Его из мертвых и дал Ему славу *new apartment* не имело никакой эстетической позиции. Какая теоретическая и эстетическая позиция у Моцарта? Или у Гресо? Глупо об этом и говорить. Почти все русское искусство все-таки, в конечном счете очень провинциально и назойливо своей тенденциозностью. Нет в нем той тишины и тишайшей тайны, как напр[имер] у St Jean de la †. Интимной благостности. Создано ведь только для того, чтобы поделиться с несколькими, любимыми, своими, двумя, тремя, а не для того, чтобы кричать на всех перекрестках.⁵⁷ <...>

5 января, четверг

<...>

Продолжение статьи Бунина о Толстом с дикой и грубейшей руганью по адресу Блока. Хамство, заведомая ложь и площадная брань. Почему нужно было это печатать? Для кого? Как не стыдно? Молчание. Ни один голос не раздается в защиту Блока и для того, чтобы сказать правду. Боятся связываться с Буниным, боятся каких бы то ни было действий. До каких мерзких времен мы дожили?

⁵⁵ «Самопознание» («опыт философской автобиографии») Бердяева, — одна из его последних книг, опубликованная посмертно. Лурье читал ее в первом издании: Бердяев Н. Самопознание; опыт философской автобиографии. Париж: YMKA-Press, 1949.

⁵⁶ Лурье прочитал статью Бунина об Алексее Николаевиче Толстом «Третий Толстой» (1949) в нью-йоркской газете «Новое русское слово», которую регулярно просматривал (Новое русское слово. 1950. № 13764–13766 (1–3 января)). Чуть позже статья Бунина была опубликована в сборнике его воспоминаний (Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 201–236).

⁵⁷ Эта запись показывает, насколько различны были суждения об искусстве, высказывавшиеся Лурье в разные периоды и в разных жизненных ситуациях. Для того чтобы убедиться в том, как радикально изменились взгляды Лурье на искусство со времен его молодости достаточно сравнить эту запись с его ранними публикациями, например, манифестом «Мы и Запад» (1914), статьей «Речь к юношам-артистам Кавказа» (1917) и др.

Бедный Блок!⁵⁸ Что бы Ольга сказала, прочтя такое? Она была бы способна дать оплеуху Бунину. <...>

2 мая, вторник

Письмо от Ирины, и опять посылка от нее: книга Георгия Иванова «Петербургские зимы» изданная в Париже в 1928 году. Все, что там рассказано — пережито мною, и я знал каждого из упомянутых там людей. Один раз в ней названо мое имя, поэтому Ирина решила, что «этой книге лучше быть у меня, чем у нее»⁵⁹. <...>

30 мая, вторник

Дождь, с утра и весь день. Опять осень, как в октябре. Не выходил из дому. Опять приступ слабости, правда, не такой сильный как в городе, но все же чувство довольно поганое!

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника.

(Хлебников)⁶⁰

8 ноября, среда

Sadler's Wells ballet. Сегодня были на премьере здесь — Gisèle. Margot Fonteyn⁶¹ лучшая Жизель, которую видел после Спесивцевой. Она прелестна! Подлинный талант. Техника ее безупречна, и ни разу за весь вечер не была на первом плане, она только средство для воплощения образа. Необычайно поэтична и воздушна. У нее почти нет тела, как будто эльф. Ноги очень красивой линии, но оне «инструментальны», а не женственны. — Сколько воспоминаний! Революционные годы в Петербурге. 1-ая Жизель Спесивцевой⁶². Блок так же любил ее, как и я. Мы неоднократно с ним говорили о ней. —

⁵⁸ Лурье, с юности и до конца жизни восхищавшегося Блоком как поэтом и личностью, чувствовавшего родство с ним в переживании судеб России, не могли не возмутить в большинстве неточные, действительно порочащие поэта высказывания Бунина о сотрудничестве Блока с Временным правительством и советской властью, его уничижительные слова о «Двенадцати» и «Скифах» и о поэзии Блока вообще, например, такие: «Блок нестерпимо поэтичный поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка в простоте, все сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким стилем все можно опознать. Но вот после великого множества нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому непонятных, литературно выдуманных символических, мистических стихов, он написал наконец нечто уж слишком понятное. Ибо уж до чего это дешевый, плоский трюк: он берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым догола, и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатней, но ведь в конце концов все ее деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нее идет Сам Христос, что это Его апостолы» (Новое русское слово. 1950. № 13764–13766 (1–3 января)).

⁵⁹ Лурье упоминается в мемуарах Г. Иванова как один из завсегдатаев знаменитого кабаре «Привал комедиантов» конца 1917го – начала 1918 года: «Холодно. Полутемно. С улицы слышны выстрелы... Вдруг топот ног за стеной, стук прикладов в ворота. Десяток красноармейцев, под командой безобразной, увешанной оружием женщины, вваливается в «венецианскую залу». — Граждане, ваши документы!

Их смиряют какой-то бумажкой, подписанной Луначарским. Уходят, ворча: погодите, доберемся до вас... И снова – оплывающие свечи, стихи Ахматовой или Бодлера; музыка Дебюсси или Артура Лурье...» (Иванов Г. Петербургские зимы. СПб.: «Азбука», 2000. С. 81).

⁶⁰ См.: Хлебников В. Зангези (1922) // Велимир Хлебников. Творения. Общ. ред. и вст. статья М. Я. Полякова. Сост., подготовка текста и комментарии В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986. С. 477.

⁶¹ Лурье побывал на гастрольном спектакле английской труппы «Сэдлерс-Уэллс балле» с солисткой Марго Фонтейн (1919–1991).

⁶² Дебют Ольги Александровны Спесивцевой (1895–1991) в партии Жизели состоялся 30 марта 1919 года в Мариинском театре. Записные книжки Блока подтверждают факт его общения с Лурье в марте – апреле 1919 года, именно тогда, когда они оба видели «Жизель» со Спесив-

17 ноября, пятница

† Скончался дорогой мой друг Сергей Александрович Кутузов. Царство ему небесное! Он был совсем готов к уходу из жизни, и так смиренно и просто говорил об этом, но такая ужасная утрата для всех близко знавших его. Ушел еще один из последних умных, мужественных, честных и порядочных людей. Он был барин [?] и человек. Умер он в Хьюстоне в Техасе. Кутузов был христианином. В то время как другие говорили о христианстве он умел быть им, оставаясь в то же время совсем светским человеком, и одно не мешало другому.

[Здесь же вклеен некролог]

18 ноября, суббота

Бедная Анна! Ее все-таки доконали и добились своего, т.е. ее полного подчинения и самоунижения. В журнале «Огонек» (№ 42, октябрь 1950) напечатаны несколько стихотворений Анны Ахматовой из нового — антизападного и антиамериканского цикла, названного «Слава Миру». Первое стихотв[орение] о Коре. Второе — «Поджигателям». Третье посвящено молодым пионерам etc.⁶³ — Если и она не выдержала, следовательно там никто не может выдержать. Теперь мне понятна и кантата Прокофьева против «западных поджигателей»⁶⁴... Вероятно там действительно верят, что все это правда, что говорит советская пресса, настолько они отрезаны от всего мира. Но мерзость политиканов здесь, капиталистов и буржуазии, всемирной, — не имеет границ ни тупости, ни подлости, она главная причина всех зол современных. Может быть легче примириться с дьяволом, чем с этой всеобщей пошлостью и лицемерной ложью... во имя «свободы».

20 декабря, среда

<...>

Было время когда искусство было на стороне жизни. Теперь оно на стороне смерти. «Живое» искусство и подлинное. На стороне жизни только мертвое, условное, опустошенное и грубо-упрощенное. Все тонкое, проникновенное, острое и волнующее из жизни ушло, вернее — изгнано. Оно живет только там, где

цевой: «6 апреля. <...> Вечером — “Жизель” (Спесивцева, Владимиров, Романов), “Арагонская хота” (ШЕРЕР, Люком). Встреча с Лурье — он поддержал мои музыкальные наклонности. Декларация (будущая) Музыкального отдела — о духе музыки» (Александр Блок. Записные книжки. 1901—1920. Сост., подготовка текста, предисловие и примечания В. Орлова. М.: Художественная литература, 1965. С. 455).

⁶³ На с. 20 упомянутого номера журнала «Огонек» были опубликованы три стихотворения из цикла А. А. Ахматовой «Слава миру» (1950): «Где ароматом веяли муссоны», «Поджигателям» и «В пионерлагере». Лурье попалось на глаза продолжение публикации стихов из этого цикла, начатой в одном из сентябрьских номеров «Огонька» (№ 36): «Песня мира», «30 июня 1950», «1950 год», «С самолета», «Прошло пять лет — и залечила раны...», «Покорение пустыни», «Севморпуть». Как известно, эта публикация была попыткой Ахматовой продемонстрировать лояльность официальной идеологии. Непосредственным поводом к публикации стали аресты в 1949 году бывшего мужа Ахматовой, искусствоведа Н. Н. Пунина, и ее сына Л. Н. Гумилева. О реакции Пунина на эту публикацию свидетельствует его письмо своей сотруднице и подруге М. А. Голубевой: «Стихи в “Огоньке” я прочитал; я ее любил и понимаю, какой должен быть ужас в ее темном сердце» (Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма. Сост. Л. А. Зыков. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 426).

⁶⁴ Речь идет об оратории С. С. Прокофьева на слова С. Я. Маршака «На страже мира» (1950). Очевидно, Лурье узнал о ее существовании из публикации в газете «Советское искусство» от 15 августа 1950 года. В статье, озаглавленной «Весь мир готов к войне с войной!», Прокофьев пояснял идеи своей новой оратории так: «За мир, против кровавых планов американских империалистов бьются миллионы честных простых людей. <...> В третьей части [оратории] раздаются мрачные, зловещие голоса поджигателей войны, дельцов Уолл-стрита, отправляющих в Корею “под сотней бомб запасы бомб”» (Советское искусство. 1950. № 53 (1245) (15 августа). С. 1). Для лучшего понимания того, в каком эмоциональном состоянии Прокофьев готовил к публикации этот текст, добавим, что в предыдущем номере «Советского искусства» был опубликован некролог его лучшему другу Н. Я. Мясковскому («Советское искусство». 1950. № 52 (1244) (12 августа)).

«живым» нечего искать в смысле наживы, где кончается бессмертная пошлость. Что ж, искусство и жизнь — несовместимы? «Искусство и смерть», говорил Блок (в Европе), «а в России — жизнь»⁶⁵. Теперь это не верно. Может быть там, где жизнь не нужно искусства? Удастся ли снова соединить жизнь и искусство?⁶⁶

1951

4 апреля, среда

<...>

Вечером в русской церкви на панихиде по Анне Яковл[евне] Дроздовой. Был [Владимир] Дроздов с дочерью и еще какая-то дама, их родствен[ница]. Вот и все. —

Дроздов мне сказал: «Шаги времени. Петербург, Европа, Нью-Йорк, вот и все кончено». Но это ведь и мой путь, и огромного большин[ства] русских здесь. А кажется, все началось только вчера. Это «вчера» было в ином мире, от него почти следа не осталось. —

Во время панихиды думал о маме, она ведь тоже Анна Яковл[евна]⁶⁷.

Священ[ник] служил с бытовыми интонациями, и, как всегда все непонятно, что связано со страшной тайной смерти и ее несоответ[ствия] всему, что в жизни. —

27 мая, воскресенье

<...>

Голубица сидит уже почти две недели над своим яйцом. Какая тайна в этом отрешенном бдении? Не ест, не пьет, какое-то мистическое созерцание тайны рождения голубенка.

Неслыханно, чтобы в центре Нью-Йорка в ванной комнате голуби свили гнездо. Их не беспокоит вся наша возня ежедневная. Можно ли жаловаться на что-либо, если голуби принесли Мир в мой дом и поселились в нем. Голуби — не ручные, а случайно залетевшие с улицы. —

2 июня, суббота

Рано утром. Телефон с Еленой [Извольской]. Гриша умирает, она говорит, что он слабеет с каждым часом. Тяжело борется⁶⁸. —

Сегодня ночью родился голубенок! Лежит в гнезде голубовато-желтое нечто и дышит. — Какая тайна!! Смерть и жизнь! <...>

3 июня, воскресенье

† Гриша Извольский скончался вчера вечером, в 8 часов. Елена сообщила только что по телефону. Ее не было при нем в эту минуту. Утром она с ним разговаривала, он был еще при полном сознании.

⁶⁵ У Блока так: «Европа (ее тема) – Искусство и смерть. Россия – жизнь». Лурье прочел эти строки из Записных книжек Блока в комментариях к изданию его поэмы «Скифы» (Блок А. Поэмы. 1911–1921. Двенадцать. Скифы. Возмездие // Блок А. Собрание сочинений. Том 5. Издательство писателей в Ленинграде, 1933. С. 145). Впоследствии Лурье неоднократно вспоминал эти слова Блока и записывал их в дневнике.

⁶⁶ Тема музыки как запечатления живого духовного опыта и как мертвого ремесла волновала Лурье на протяжении всей его жизни, от ранней статьи «Бетховен и Вагнер (Из юношеских тетрадей)» (опубл. 1918) до одной из последних – «Осквернение и освящение времени» (1963). Выбор цитаты из Блока говорит и о сохранении «евразийского» наклонения в размышлениях Лурье, которое ощутимо и в его записях начала 1940-х годов.

⁶⁷ Матери Лурье к этому времени не было в живых. Вероятно, она умерла в Ленинграде во время блокады. В ленинградской блокадной «Книге памяти» значится Анна Яковлевна Лурье, 1871 года рождения, скончавшаяся в блокаду в феврале 1942 года (http://www.visz.nlr.ru/search/lists/blkd/235_581.html).

⁶⁸ Григорий Александрович Извольский (1892–1951), брат Е. А. Извольской, офицер, юрист, банковский служащий.

Елена была у нас вечером. Обедала с Эллой, которая ее развлекала, потом часть вечера со мной. —

<...>

4 июня, понедельник

<...>

Сергей Кусев[ицкий] опять в госпитале. Написал ему письмо. Рассказал о рождении голубенка.

<...>

Из письма Лурье Кусевицкому от 4 июня 1951 года:

Я знаю Сережа, относительно тебя, с внутренним убеждением, что все будет очень хорошо. Нужно только терпение, и сохранить полное спокойствие духа.

Господь милостив, и силы твои вернуться. Я ведь теперь знаю, что такое терпение, ведь я ему учился изо дня в день, в продолжении года. — У нас здесь случилось нечто совсем удивительное. Недавно, в полуоткрытое окно ванной комнаты влетела пара голубей и стала вить гнездо на подоконнике. <...> Голубка положила яйцо. Она сидела на нем день и ночь, без питья и еды, в полном отрешении, и только все, как будто, к чему-то прислушивалась. Она, вероятно, слушала, что происходит в яйце, началась ли там жизнь. Вот тут-то я увидел, что такое пример терпения и веры! Мы с Эллой все время подглядывали, и мы теряли терпение. Нам казалось, что яйцо пустое, и что она зря ждет. Элла говорила, что она совсем молодая голубка, то что ее первое яйцо, что она дура, и что там ничего нет. Два дня тому назад родился голубенок. <...> Нужно было видеть, какое это было торжество, какой полет вокруг, и какое воркованье! Ну, вот тайна жизни!

Лежит там нечто крошечное, желто-серое-голубое и пищит. На второй день уже у него клюв, длинный и крепкий, и глаза открылись на свет Божий⁶⁹

5 июня, вторник

<...>

В 4 30 панихида по Грише

в Соборе 2-ая улица, 2-ая Avenue. Светская party, а не панихида, там все так же неопрятны и неряшливы, как и на Bowery⁷⁰, но без невин[ности] и детскости⁷¹.

Ужасный день.

† Вчера ночью скончался Сережа Кусевицкий. В госпитале. Агония продолжалась 4 часа. О смерти его узнал от Нанды⁷². Она мне сообщила в 8 утра. Говорил с Ольгой⁷³. Ему было стало лучше, казалось, что идет на поправку. <...> Ужасно, ужасно! Он так был привязан к жизни, бедный, ненасытно.

Был у Нанды. От нее на панихиду по Грише. По Bowery шел пешком, мимо толпы невероятных людей, качающихся в каком-то бреду, полупьяных, грязных, заросших, но у всех невинность и детское что-то в глазах.

⁶⁹ Library of Congress. Serge Koussevitzky Music Foundation. General correspondence. Box 40. Folder 4. Это письмо Лурье Сергею Кусевицкому, написанное 4 июня 1951 года, оказалось последним.

⁷⁰ Боуэри – район в Нью-Йорке, с конца XIX века имевший сомнительную репутацию из-за скопления пивных, ночлежек, борделей, театров легкого жанра и пр.

⁷¹ Этот абзац вписан в дневник позже других записей дня.

⁷² Руфь Нанда Бродская (Аншен) (1900–2003), писательница, философ, друг семьи Маритен и знакомая Кусевицкого.

⁷³ Ольга Александровна Наумова (1901–1978), племянница С. А. Кусевицкого, его секретарь (с 1929-го), с 1947 года – его жена.

9 июня, суббота

Усталость после этих трех тяжелых дней и двух ночей. Но я не жалею, что поехал туда⁷⁴. Этот опыт обогатил мою душу. Несмотря на усталость — легкое чувство п[отому] ч[то] свободен от страха смерти. Встреча с Владыкой Иоанном⁷⁵ у гроба Сережи — какой-то знак Божий. Я его совсем не понимал до того, а портрет Савелия [Сорина] совсем не верный, придуманный⁷⁶. Я сказал об этом Владыке Иоанну, у него блеснули глаза, и он как будто обрадовался, значит и сам так чувствовал.

Голубенок за одну неделю вырос и похож на орленка. Топорщится, недоволен и шипит, когда на него смотришь. Верно скоро улетит и гнездо будет брошено. Замкнут круг, и все свершилось, что было предназначено. В этот круг вписаны две смерти: Гриши и Сережи. Точка над Анафемой будет поставлена⁷⁷. Голубь отлетит. Родился Новый Дух!

29 июля, воскресенье

<...>

Дивные сонеты Nerval'я! Только теперь понимаю почему Ольга так нежно любила его. Удивительной чистоты голос, и необычайное благородство души. — Через какую муку прошел этот человек!⁷⁸

Из статьи Лурье «Детский рай»:

В большом старинном доме на Фонтанке вблизи Летнего Сада, из окна выходящего во двор, на соседней глухой стене в сажень толщиной проступала леонардовская плесень; взглядевшись в нее, можно было отчетливо увидеть силуэт в цилиндре и плаще, куда-то бегущий. О. А. Глебова-Судейкина говорила, смотря на эту тень: «Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу».

Все друзья, бывавшие в доме на Фонтанке, знали и любили призрачного поэта в призрачном Петербурге. Но в те годы поэзия Нерваля в нашем кругу почему-то не упоминалась; моя встреча с нею произошла несколько лет тому назад в Сан Франциско, городе тоже призрачном своими туманами, и поющими в тумане рогами со взморья, когда городские огни в провалах холмов блещут сквозь туман, как разноцветные леденцы. Магия сонетов Нерваля сделала для меня в те дни прошлое настоящим, т. е. сознанием целостности связи времен; «звезда воспоминанья» — легендарная тень поэта на стене дома в Петербурге была неразрывна с его голосом, звучавшим в «Химерах»⁷⁹, которые я заново читал в Сан Франциско.

<...>

Нерваль, которого его друзья называли «le bon Gérard»⁸⁰ был именно одним из тех взрослых детей, для которых открыт рай. Безумие Нерваля было ноуменальным видением рая, но его феноменальный разум не был в силах справиться с измерениями невидимого мира. <...> У Нерваля был в его безумии

⁷⁴ Похороны Кусевицкого прошли в Леноксе (Массачусетс), недалеко от Тэнгвудского музыкального центра, основанного им в 1940 году.

⁷⁵ Иоанн (Шаховской) (1902–1989), православный священник, в 1950-е годы — епископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

⁷⁶ О каком портрете идет речь, нам не известно.

⁷⁷ Весной 1951 года Лурье сочинял мотет «Анафема» для тенора, баритона, баса, мужского хора и восьми духовых инструментов. Сам композитор воспринимал свое сочинение как «цит против лжи, насилия и кощунства с одной стороны, с другой же <...> [как] молитву в песенной форме о погибшем человечестве» (NOTE SUR LE MOTET "ANATHEMA". Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 20 bis).

⁷⁸ Жерар де Нерваль (1808–1855), французский поэт-романтик и переводчик. В конце жизни страдал депрессией, во время одного из приступов которой покончил жизнь самоубийством, повесившись на фонарном столбе.

⁷⁹ «Химеры» (1854) — цикл сонетов Нерваля.

⁸⁰ Добрейший Жерар (фр.).

тот же пророческий опыт сознания и чувствования, то же эсхатологическое чувство одержимости поэзией, как у Хлебникова и у Мандельштама, но задолго до них⁸¹.

30 октября, вторник

<...>

Musical Quarterly со статьей о последнем периоде жизни Шёнберга⁸². Запутанная, сложная жизнь, мучительная, но без подлинного пафоса. Он его не нашел на всем своем пути. Фотография его посмертной маски — очень серьезная, подлинная, трагическая. Она значительнее его личного творчества. Замученный человек. Чем и кем был он замучен? — Музыкой, самой музыкой, а не людьми. В этом смысл всего, что с ним случилось. —

<...>

1952

19 марта, среда

Для эпилога Арапа чудесные стихи Мандельштама⁸³! Мысль об этом пришла вчера вечером, как откровение, как будто бы он сам мне подсказал. В этих строках синтез всей оперы. Та же тема, что и мы прорабатывали во всем либретто. Его стихи звучат чуть ли не сильнее чем все, что нами взято в лучшем из русской лирики. Должно стать памятью нашей дружбы, в юные годы; в те «баснословные года»!⁸⁴ —

9 мая, пятница

<...>

«Всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, — за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать».⁸⁵ —

Разве можно объяснить такое? (Блок)

Какая прелесть! —

В Европе такое совершенно непонятно и покажется болезненной самоуверенностью, которой здесь нет и следа, скорее обратное.

1953

9 января, пятница

<...>

Фонтанка 18 кв. 27, моя последняя квартира в Петербурге, около Летнего Сада. Мы жили там с Ольгой и Анной и были очень счастливы, несмотря на ужас происходивший в стране. Там были написаны стихи Anno Domini⁸⁶.

⁸¹ Лурье А. Детский рай // Воздушные пути: Альманах. Вып. III. Нью-Йорк, 1963. С. 163–164.

⁸² Walter H. Rubsamen. Schoenberg in America // The Musical Quarterly. Volume XXXVII. Issue 4. October 1951. P. 469–489.

⁸³ В эпилоге оперы Лурье «Арап Петра Великого» звучат строки из двух стихотворений Мандельштама, посвященных Петербургу («Петрополю») и Павловску: «На страшной высоте блуждающий огонь» (1918) и «Концерт на вокзале» (1921).

⁸⁴ Фрагменты воспоминаний о Мандельштаме вошли в статью Лурье «Детский рай» (1963).

⁸⁵ Лурье цитирует письмо А. А. Блока к С. К. Маковскому от 29 декабря 1909 года (Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. Письма. 1898–1921. Л.: Художественная литература, 1983. С. 174).

⁸⁶ Адрес квартиры, располагавшейся недалеко от Летнего сада, — «Фонтанка, 18. (Четвертый двор, у Ольги Аф[анасьевны] Глебовой). Верхний этаж» — зафиксирован в «Записных книжках» Анны Ахматовой (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва — Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 662). А. А. Ахматова, О. А. Глебова-Судейкина и А. С. Лурье жили вместе на этой квартире в 1921–1922 годах.

Из письма Ирэн Грэм⁸⁷ к М.М. Кралину от 19 ноября 1972 года:

<...> Приготовляя к изданию свой пятый сборник стихов, А. А. как-то сказала А. С. на прогулке, что не знает, как назвать книгу. «Очень просто», – сказал А. С., указав на надпись, изваянную на фронтоне дома, мимо которого они шли, – «Anno Domini»⁸⁸.

18 января, воскресенье

† Сегодня (в полночь) годовщина смерти Ольги. 8-ая уже с тех пор, как ее нет.

<...>

5 марта, четверг

<...>

Вчера Ирина телефонировала вечером, потрясенная сенсацией о Сталине. По сегодняшним сообщениям он агонизирует, и часы его сочтены.—

Почему все трепещут перед этим человеком, даже здесь в свободных странах? Почему такое ужасающее лицемерие, ложь, фарисейство? Почему эти соборные моления: католиков, протестантов, православных, магометан, буддистов (!?) и даже евреев, так преследуемых им?!? Моления о величайшем злодее, какого знало человечество, молитвы не о грешной душе его, а в силу его авторитета всем внушенного и значения им приобретенного. Какой ужасный признак всеобщего падения, трусости, распада духовных ценностей. Между тем, Россия никогда не была в большей опасности, если власть там развалится, на Россию набросятся все и растерзают на части, как шакалы. —

Только что на радио сообщили о смерти Сталина (в 9 часов вечера). Сравнивают с Петром Великим?! с Чингиз ханом! —

8 марта, воскресенье

<...>

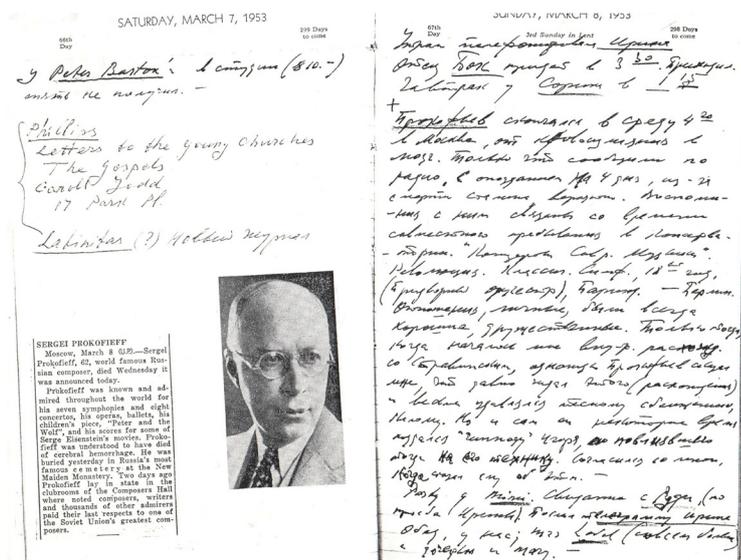
† Прокофьев скончался в среду 4-го в Москве, от кровоизлияния в мозг⁸⁹. Только что сообщили по радио. С опозданием на 4 дня, из-за смерти Сталина вероятно. Воспоминания с ним связаны со временем совместного пребывания в консерватории. «Концерты современной музыки». Революция. Классич[еская] симф[ония], 18-ый год, (Придворный оркестр), Париж. — Берлин. Отношения, личные, были всегда хорошие, дружественные⁹⁰. Только тогда, когда началось мое внутр[еннее] расхожд[ение] со Стравинским, однажды Прокофьев сказал мне, что давно ждал этого (расхождения) и весьма

⁸⁷ Ирина (Ирэн) Александровна Грэм (1915–1996), писатель, либреттист, подруга Лурье с конца 1940-х годов.

⁸⁸ От рождества Христова (лат.). Цит. по: Кралин Н. Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. Томск: Водолей, 2000. С. 26.

⁸⁹ Прокофьев умер вечером 5 марта 1953 года, похороны на Новодевичьем кладбище состоялись 7 марта.

⁹⁰ Это утверждение Лурье не стоит принимать на веру. Возможно, Лурье и испытывал к Прокофьеву дружественные чувства (может быть, даже в какой-то мере заискивал перед ним), но на взаимность вряд ли мог рассчитывать. Прокофьев знал о существовании Лурье до отъезда из России (они учились в Петербургской консерватории одновременно), был глубоко возмущен тем, что Лурье как глава МУЗО Наркомпроса не защитил его рукописи от расхищения в послереволюционные годы, и после эмиграции Лурье в Париж на протяжении 5 лет даже не здоровался с ним. Лишь позже, вынужденный встречаться с Лурье у общих знакомых (Кусевицких, Стравинского и др.) и смягченный хвалебными словами Лурье о своей музыке, Прокофьев чуть «оттаял». Прежние характеристики, даваемые Прокофьевым Лурье, — «сволочь», «подлец», «дрянной композитор, который “тоже куда-то лезет”» и др. — сменились более снисходительными высказываниями, вроде такого (1929): «[Лурье] теперь со мной страшно мил и, всхлипывая, говорит комплименты — точно молодая девушка» (Прокофьев С. Дневник. 1907–1933. Часть вторая. Париж: sprkfv, 2002. С. 738). Источники предыдущих цитат: С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский. Переписка. М.: Советский композитор, 1977. С. 152; Прокофьев С. Дневник. 1907–1933. Часть вторая. Париж: sprkfv, 2002. С. 213, 206.

1956

9 января, понедельник

Письмо от ЭЛЫ.

В четверг (3-го янв.) скончался Гречанинов. Ему исполнился 91 год. — В последний раз видел в 53-м году, когда показывал ему Анафему⁹³, по его настоянию.

29 октября, понедельник

<...>

Читаю Блока: статьи и письма.

Русская интеллигенция больше не существует. Есть остатки эмиграции и ничего другого. —

Статья Блока «Интеллигенция и Революция» сыграла для меня фатальную роль. С этой минуты я стал вместе с Блоком «слушать музыку Революции»⁹⁴...

удивлялся тесному сближению, былому. Но и сам он некоторое время поддался «гипнозу» Игоря, повлиявшего тогда на его технику. Согласился со мною, когда сказал ему об этом⁹¹. —

<...>

Из записных книжек Лурье 1941–1945 годов:

Морозный воздух революционного Петрограда связан для меня с Классической симфонией Прокофьева и маленьким уродливым залом — студией бывшего придворного оркестра⁹².

⁹¹ О том, что Лурье критиковал музыку Стравинского при Прокофьеве (чем, наверное, льстил последнему) свидетельствует дневник Прокофьева (1929): «Днем у Кусевицкого был Лурье; про «Аполлона» сказал, что это замечательное произведение, в котором, однако, нет ни одной ноты, откуда-нибудь не взятой» (Там же. С. 707). Трудно сказать, осмелился бы Лурье на самом деле сказать Прокофьеву о том, что в его музыке заметно влияние Стравинского. Но очевидно, что Прокофьев, мало уважая Лурье, вряд ли отреагировал бы на подобное его замечание столь благодушно.

⁹² Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 37. Судя по этой записи, Лурье присутствовал на репетициях или на премьере «Классической симфонии» Прокофьева, состоявшихся незадолго до отъезда композитора за границу соответственно 18–20 и 21 апреля 1918 года. Исполнение симфонии было осуществлено в Петрограде Государственным оркестром, которым дирижировал сам композитор (см.: Прокофьев С. Дневник. 1907–1918. Paris: Serge Prokofiev Estate, 2002. С. 695–696).

⁹³ См, выше сноску 66.

⁹⁴ Мысли Блока, высказанные в статье «Интеллигенция и революция» (9 января 1918), были глубоко пережиты Лурье, который возвращался к ним не только в послереволюционные годы, но десятилетия спустя. Опыт разочарования в революции, в пошлости советского быта и идеологии, не разрушил веры Лурье в первозданную силу народной стихии как в «вечную правду», о которой Блок писал: «Такие замыслы, искони тающиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, это называется революцией. <...> Она сродни природе. <...> Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невинные недостоинных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о великом» (Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. Л.: Художественная литература, 1982. С. 232). И, естественно, события Второй мировой войны вновь пробудили у Лурье ощущение стихийной силы русского народа, ощущение ее истинности и вечности, о котором он писал в записных книжках военных лет.

Из записных книжек Лурье 1941–1945 годов:Народ всегда прав.

Народ нигде и ни при каких обстоятельствах, никогда не бывает не прав. Это одна из простых, но больших истин. Народ прав всегда. В той катастрофе, которая произошла в Европе ни у кого не поднялась рука свидетельствовать против народа той или страны, павшего под ударами военных поражений. Даже самые подлые из людей не сделали это. Но та разнузданная демоническая сволочь, которая захлестнула мир, пользуется именем народа для своих гнусных целей.

«Народ безмолвствует» (всегда), как говорит поэт⁹⁵. Он всегда безмолвствует. В этом его тайна. Ее нужно слышать, и услышав – понимать. Ему нужно оказать доверие. Это значит, прежде всего, не лгать ему, и не обращаться с ним как с глупыми и упрямыми детьми, которым подвязывают салфетку, или же дают сосать карамель, чтобы они не кричали и «не мешали» взрослым.

Но если и верно, что «народ безмолвствует» в политической жизни, то в музыке это не так. Нигде так не ощутил контакт с народом как здесь. Нужно только быть внимательным к нему, чтобы понять это. Народ и музыка это одно и то же.

<...>

Культуру защищает не интеллигенция, не интеллигенты и не профессора, а народ. Народ защищает культуру, как защищает он землю, потому что настоящая культура и земля то же самое. В Европе культура погибла, потому что народ ее не защитил. Значит ли это, что там нечего было защищать? Нет, конечно. Было что защищать, но народ этой культуры или не любил, или же ее не знал. Это была уже не его культура, а искусственная, созданная людьми уже от народа оторванными и не сумевшими ее защитить и бросившими ее на произвол судьбы и на растерзание. Пропасть между народом и культурой создавалась очень долго. О народе забыли. Вспомнили о нем и стали звать его, когда было уже слишком поздно. Пусть это будет предостережением для нас здесь.

О народе вспомнили, когда нужна была его кровь и его хлеб. Во Франции новая политика (Петена) началась с лозунга поворота в сторону народа. Потому что народ не хотел больше обрабатывать землю, и нужно было убедить его делать это⁹⁶.

1957

4 февраля, понедельник

<...>

† В среду 30-го янв. скоропостижно скончался Борис Романов мой старинный приятель, еще по Петербургу. Во время революции он поставил моего «Urmann'a» в китайском театре в Царском селе. С ним связаны постановки, в которых участвовала Ольга⁹⁷.

⁹⁵ Заключительная ремарка трагедии Пушкина «Борис Годунов».

⁹⁶ Архив Лурье в Фонде Пауля Захера. Досье 37. Анри Филипп Петен (Pétain) (1856–1951) возглавлял в 1940–45 годах коллаборационистское правительство Франции (режим Виши), поддерживавшее Германию. Одним из главных направлений политики Петена было развитие сельского хозяйства и стимулирование возвращения французов к «жизни на земле»: «Мы хотели бы подготовить по возможности быстрое возвращение нашей сельской жизни [potre vie rurale] в ее привычный ритм. И так мы предоставляем большие кредиты для восстановления поврежденных строений, кредиты от двух миллиардов хозяевам, чье поголовье было частично или целиком уничтожено» (из воззвания Петена к французам, 13 августа 1940 года, http://www.marechal-petain.com/page_message.htm).

⁹⁷ Лурье знал танцовщика и хореографа Бориса Георгиевича Романова (1891–1957) по Петербургу, где они встречались в среде артистической богемы, в том числе, в кабаре «Бродячая собака». В годы сотрудничества Романова с петербургским «Литейным театром» Ольга Глебова-Судейкина выступила в нескольких поставленных им балетах-пантомимах, в том числе, в знаменитых «Козлоногих» (1912) на музыку И. А. Саца, в «Свидании» (1913) М. А. Кузмина и др. Подробности исполнения скетча Лурье «Курительная трубка» («Упман») (1917, издан в 1919-м) в здании Китайского театра в Царском селе нам не известны.

4 мая, суббота

«Кормчая» симфония, мне кажется, может называться «Октябрьской» симфонией; она звучит именно той «музыкой революции», о которой говорил Блок и которая слышится в его «Двенадцати». «Кормчая» симфония это и есть блоковские «Двенадцать» — их музыкальная сущность. Странное название этой симфонии — «Кормчая» — в таком случае вполне оправдано и логично: — «Кормчая» — т.е. «ведущая» в новый мир с Кормчим — Лениным⁹⁸.

<...>

И еще: не мог артист, принимавший такое участие в революции, пройти мимо нее в своих работах. Мне кажется, что «Кормчая» симфония относится к области бессознательного в искусстве, когда смысл и значение вещи обнаруживаются через значительное время.

1958

11 ноября, вторник

Скончался Анатолий Дюбуа⁹⁹ приятель Сорина, который написал его портрет. Мы встречались с ним довольно часто, во время войны, и много спорили на «интеллигентские» темы. Он был типичным русским интеллигентом и никак не мог вырваться из своего нигилистического тупика. Он служил революционному движению всю жизнь, но не понял русскую революцию, когда она пришла. Большевики посадили его в тюрьму, потом выслали за границу в 1922 году, в тот же год когда и я уехал.

1959

11 января, воскресенье

Начало столетия обозначилось очень яркой вспышкой творческой красоты в искусстве. Это был подлинный праздник. В музыке: Скрябин, Debussy, Ravel. Ничего равного им потом уже больше не было. В поэзии: Блок, Rilke, Вяч[еслав] Иванов, Сологуб. — В наши жуткие дни, так называемый модернизм, выродился в одну из форм пошлости, нестерпимой лжи, кривлянья и уродства. В нем выражение полной уже оторванности от жизни. Этот стиль в искусстве давно больше ничего не значит. Для молодых он стал только демагогическим оружием самоуверенной наглости. Для самоутверждения любой ценой и запугивания всякого проявления правды и искренности чувств там, где они еще могли бы проявить себя. Разглядеть сейчас подлинно живое и новое очень трудно и мало кому доступно. Между тем искусство существует. Оно не может прекратиться. Где же оно? Как его найти? Общенье больше не существует. Каждый сам по себе.

25 января, воскресенье

В хаосе современности, среди ужасных событий нагромождающихся одно на другое чувствуешь себя совершенно потерянным. Самое трудное — чувство полного одиночества в окружающей пустоте. Распад старого мира и пустота в новом, т. е. послевоенные годы. И вдруг, от времени до времени в душе какие-

---

⁹⁸ Программа Второй, «Кормчей» симфонии Лурье (1939) более сложна, чем может показаться из этого описания. Ее полное название — «Страстей смущение, Кормчая рождающая Господа, И бурю утиши погрешений, Богоневестная» — отсылает к 4-й песне Канона Пресвятой Богородице, где «Кормчим» называется Господь Иисус Христос. Такое сближение образов Ленина и Господа в авторской трактовке программы симфонии действительно родственно поэме Блока «Двенадцать». Важно, что симфония Лурье была написана более чем через 20 лет после революции и создания поэмы Блока, что говорит о сохранении им на долгие годы идеалистического восприятия личности Ленина.

⁹⁹ Анри (Анатолий Эдуардович) Дюбуа (1881—1958), юрист, художник и скульптор, общественный деятель. Лурье мог общаться с ним как в Париже, где Дюбуа обосновался после высылки из советской России в 1922 году, так и в США. В первой половине 1940-х годов, одновременно с Лурье, Дюбуа сотрудничал с нью-йоркским журналом «Новоселье».

то вспышки яркого света. Какое-то откровение, для которого нет слов. Что это? Убеждение, что спасение и свет придут оттуда, из России. И не только для России, но и для всего мира. Откуда спасение? В чем оно? Только один путь. Преодоление материализма (марксизма). Духовная революция, о которой мы мечтали с первых дней политической революции. Блок меня заразил именно этим и «соблазнил» тогда¹⁰⁰. Об этом мечтали и левые эсеры. Возврат к истокам христианства. Социализм должен быть осуществлен на христианской основе. Выпрямление и очищение историч[еской] линии. Это будет, будет! Историч[еская] церковь должна освободиться от связи с капитал[истическим] миром.

3 мая, воскресенье

<...> Был с Ириной на выставке Гогена, в Metrop[olitan] Museum. Огромная толпа. Неизвестно, что она видит и для чего ходит. Прелестная живопись. Тонкий колорит, в прелестных, мягких тонах. Эта «музыка» всегда у него в piano-pianissimo, но никогда не в forte. Неожиданная для него нежность, не вяжущаяся с представлением о его характере. Но отсюда ведь пошел «стиль модерн» начала 20-го в[ека] (уже с конца 19-го), дурного тона, так назыв[аемое] декадентство; фигуры тонких женщин с тяжелой прической, завернутые в змеинные шлейфы. Блоковская «Незнакомка»? — Теперь на вес золота каждый клочок бумаги со следами его карандаша!

5 мая, вторник

В UNO с Володей Сосинским и Ольгой Елисеевой¹⁰¹. — То, что он мне рассказывает о советских, весьма не утешительно. Во всем, что касается культуры — убожество, провинциализм и тупость. Даже такая весьма прославленная балерина как Уланова, говорит, «нет повести печальнее на свете, чем... музыка Прокофьева в балете». По ее мнению «под эту музыку невозможно танцевать»¹⁰². Что же в таком случае другие, если она так рассуждает? — И как же это, артистка с такого рода пошлыми суждениями о музыке считается одной из самых замечательных балерин нашего времени, чуть ли не лучшей из всех! Чепуха и еще одна очередная глупость. Массовый гипноз, не имеющий никакого основания. Балерина с хорошей техникой, точной и виртуозной, но с лицом и психологией провинциальной, русской школьной учительницы. — Когда вспоминаешь Спесивцеву и то, что мы говорили о ней с Блоком, становится дурно от грусти¹⁰³.

15 сентября, вторник

<...>

Вернулись Сосинские, сегодня. Ирина (по телефону) узнала от Володи, что он видел Анну в Москве. Передал ей мою рукопись¹⁰⁴. Привез от нее фотографию и книги. Удивительно все это, как во сне! Мы остались с нею вдвоем, последние следы прошлого на земле. —

<...>

¹⁰⁰ См. выше сноску 76.

¹⁰¹ Речь идет о писателе, общественном деятеле и дипломате Владимире Брониславовиче Сосинском (1900—1987) и его теще, писательнице и мемуаристке Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой (1886? — 1964). Оба они были реэмигрантами. После принятия советского гражданства, с 1947 по 1960 год Сосинский работал в Нью-Йорке в аппарате Организации Объединенных Наций (The United Nations Organisation, сокращенно UNO).

¹⁰² В высказывании Лурье об Улановой очевидно предубеждение, исходящее из его отношения ко всему советскому как к провинциальному. К тому времени, когда была сделана дневниковая запись Лурье, Уланова давно изменила свое мнение о балете Прокофьева, но ее знаменитый спич, высказанный на дружеской вечеринке после премьеры балета, продолжал «гулять» в театральной среде (см. об этом: Львов-Анохин Б. Галина Уланова. М.: Искусство, 1970. С. 117—118).

¹⁰³ См. выше сноску 62.

¹⁰⁴ Очевидно, речь идет о романсе Лурье на слова Ахматовой «Ива» (1958). Факт встречи Сосинского с Ахматовой косвенно подтверждается письмом к Ахматовой переводчицы Н. И. Столяровой (10 августа 1959): «На днях в Москву приехал один мой старый знакомый, с которым мы встре-

22 сентября, вторник

Опять жара и духота, нестерпимые. Вечер у Сосинских. Передали мне фотографию Анны, очень красивую, моего времени, и новую книжечку стихов, которая у меня уже была¹⁰⁵. Ничего существенного об Ахматовой они мне не сумели сказать. Только то, что она... очень пополнила, поседела, и что очень красива. «Величественный вид. Вошла как королева». Видели ее один раз. Она приняла их у каких-то своих друзей, где она останавливается, когда приезжает в Москву¹⁰⁶. Жаловалась на то, что «ее мало ценят, мало печатают»... Это так на нее не похоже! Сына ее только недавно выпустили из концентрационного лагеря¹⁰⁷. Она до сих пор запугана и не может оправиться от былых гонений. Стихи передала без автографа, фотографию тоже. Только написала на ней: «Фонтанка, 2, 1924». — «Он этот адрес знает»...¹⁰⁸

1960

30 мая, понедельник

Скончался Пастернак. Сообщили по радио вечером. Он был православным с 1917-го года¹⁰⁹.

2 июня, четверг

Сегодня похоронили Пастернака в Москве¹¹⁰.

16 октября, воскресенье

Ночью обдумывал балет Ахматовой. Первые очертания. Не представляю еще себе, что можно сделать¹¹¹. В сущности ее поэма есть продолжение «Снежной

чались в Париже, — Сосинский Владимир Брониславович. Он попросил меня передать Вам от него небольшой альбом Модильяни. Кроме того В. Б. привез ноты на Ваше стихотворение, Вам посвященные, от некогда знавшего Вас лично Лурье» (цит. по: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008. С. 537).

¹⁰⁵ Книжечка стихов Ахматовой «Из шести книг» (1940) была у Лурье раньше, о чем свидетельствуют записанные в его дневнике 7 августа 1946 года строки стихотворения Ахматовой «От других мне хвала — что зола» (см. выше сноску 30).

¹⁰⁶ Очевидно, встреча Сосинских с Ахматовой произошла в московской квартире друга Ахматовой В. Е. Ардова на Большой Ордынке.

¹⁰⁷ Лев Николаевич Гумилев был реабилитирован и освобожден из лагеря около Междуреченска Кемеровской области 11 мая 1956 года.

¹⁰⁸ Как говорилось выше, Ахматова и Лурье жили вместе в другом доме, по адресу Фонтанка, 18. Единственная, сохранившаяся в копии П. Н. Лукницкого, открытка Лурье Ахматовой из Парижа от 21 мая 1923 года была отправлена именно на этот адрес (Институт русской литературы (Пушкинский дом). Фонд А VII — 2. № 81). В дом 2 по Фонтанке Ахматова переехала в марте 1924-го, через полтора года после эмиграции Лурье. Почему он должен был знать именно этот адрес, нам не известно. Скорее всего «паролем» был не конкретный дом, а сама «Фонтанка»: «на Фонтанке, где много Петербурга: неважен свет и еда, а Петербург» (из письма Н. Н. Пунина — Ахматовой. Петербург Анны Ахматовой / La Pietroburgo di Anna Achmatova. Bologna, 1996. С. 31–32).

¹⁰⁹ Подтверждения сообщенному Лурье факту крещения Пастернака в 1917 году нам найти не удалось.

¹¹⁰ Пастернак был похоронен в этот день на кладбище в подмосковном Переделкино.

¹¹¹ Этот замысел балета по «Поэме без героя» Ахматовой не был осуществлен. Размышляя над ним и сравнивая «Поэму без героя» с книгой «Снежная маска» (1907) Блока, Лурье «между строк» напоминает о другом неосуществленном замысле — балете «Снежная маска», либретто которого писала для него Ахматова. О существовании либретто известно, например, из дневника К. И. Чуковского, посетившего Ахматову в конце декабря 1921 года: «Она [Ахматова] лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. — Это балет «Снежная маска» по Блоку. Слушайте и не придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой. — И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий комментарий к «Снежной маске». Не знаю, хороший ли это балет, но разбор «Снежной маски» отличный. — Я еще не придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. Подготовка текста и комментарии Е. Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1997. С. 184). В личном архиве А. Г. Каминской сохранился оформленный рукой Лурье на партитурной бумаге титульный лист «симфонического балета» «Снежная маска», однако текст либретто утерян, а о существовании музыки балета ничего не известно.

маски» Блока. Между ними находятся «12». — После «Двенадцати» поэма Ахматовой — единственная.

<...>

18 октября, вторник

Ида Рубинштейн умерла во Франции, где-то на Ривьере. Совершенно забытая и старая (75 л[ет]). Узнал из газет. Никто больше не помнит. А Rouché жив до сих пор!.. Неужели жив?¹¹²

5 ноября, суббота

Утром телеграмма:

Raissa passed away in great peace today Jacques¹¹³

Нужно было это ожидать с минуты на минуту, но все же очень жутко было прочесть! Что с ним теперь будет? Как он это переживет? Вряд ли переживет! Послали ему телеграмму. —

<...>

17 ноября, четверг

В Нью-Йорке скончался, вчера, дирижер Эмиль Альбертович Купер. Ему было 82 года. В России были связаны с ним у меня неприятные воспоминания. Он мешал мне в работе и интриговал где мог, не против меня, но против Сергея Кусевицкого, которого не выносил. Мы встретились с Купером в Лиссабоне и он приехал провожать меня (с женой) на пароход, когда я уезжал отсюда в Америку (3-го мая 1941-го). В последний раз я встретил его в Н[ью]-И[орке] несколько лет назад, на улице. Он овдовел и был очень удручен. «Убеждал меня» не... умирать...

1962

8 июня, пятница

<...>

Письмо от Саломеи [Андрониковой]¹¹⁴. Она видела Корнея Чуковского и передала ему мою карточку для Анны¹¹⁵. —

7 августа, вторник

<...>

Телефонировал Brown¹¹⁶. Он только что приехал. Придет ко мне в 2 часа. <...>

Был Brown. Он был у Анны два раза. Она прислала мне фотографию с портрета с нее. Он ей все передал, что я ей послал через него. Он говорит, что разговор

¹¹² Танцовщица и актриса Ида Львовна Рубинштейн умерла 20 сентября 1960 года в Вансе на юго-западе Франции, за день до своего 77-летия. Последние годы жизни она провела в одиночестве. Жак Руше, французский предприниматель, меценат, издатель, исследователь театра, антрепренер, с 1913го по 1945 год — директор «Гранд-Опера». Лурье контактировал с ним в 1939 году, когда в «Гранд-Опера» планировалась постановка его оперы-балета «Пир во время чумы» (так и не осуществленная). Вопреки предположениям Лурье, Руше уже не было в живых. Он скончался в Париже 9 ноября 1957 года в возрасте 94 лет.

¹¹³ Сегодня Раиса ушла в лучший мир Жак; англ. Раиса Маритен, с которой, также как и с ее мужем философом Жаком, Лурье дружил с конца 1920-х годов, умерла 4 ноября 1960 года. О дружбе Лурье с семьей Маритен см.: Мейлах М., Бобрик О. Семья Жака Маритен и русские музыканты // Музыкальная академия. 2010. № 2. С. 96–102.

¹¹⁴ Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (1888—1882), подруга Ахматовой и Лурье с 1910-х годов.

¹¹⁵ Корней Чуковский побывал в Лондоне в 1962 году по пути в Оксфорд для получения почетного звания доктора литературы Оксфордского университета.

¹¹⁶ Кларенс Браун (р. 1929) литературовед, переводчик, с 1962 — ассистент профессора Принстонского университета. Работая в 1960-х годах над исследованием о Мандельштаме, он неоднократно встречался с Ахматовой в России и в Англии.

был только о Мандельштаме и обо мне... На камине [?] у нее мой портрет раб[оты] Митурича. Я не знаю какой это? Она читала ему много стихов Манд[ельштама]. И исправила много ошибок сделанных им на основании неверных источников. Сказала ему передать мне, что «она велела, чтобы я писал воспоминания». Он под сильным впечатлением встречи с нею. Без меня он бы к ней не попал. — Привез нам банку свежей зернистой икры, какой я не ел с тех пор как уехал из России! <...>

24 ноября, суббота

Утром приехал Иван Павлович¹¹⁷. Человек приехал! Привел с ним весь день. Рассказывал мне о кончине Ольги и Тамары. О Париже в период немецкой оккупации. Он все время оставался там. Ходил по вечерам к евреям, по очереди, то к одним, то к другим для «поддержания морали».

<...>

18 декабря, вторник

Уехал в Princeton в 12 часов. Дома письмо от Володи Сосинского. «Были, наконец, у Анны. Королева она — величественная и строгая. Смиловитивилась и... разрешила Вам, дорогой Арт[ур] Серг[еевич], писать и дала, наконец, свой постоянный адрес для Вас: Ул. Ленина, 34, кв. 23 Ленинград»¹¹⁸. — <...>

1964

8 января, среда

<...>

Журналы (французские) от Ирины. И 6 томов полного собрания сочинений Блока изд. 1962 года. Мы их приобрели прошлым летом в магазине «4-х континентов»¹¹⁹. Читал ночью, с обычным волнением, всегда когда читаю Блока. Оторвешься от страницы и думаешь, как это вообще возможно, что здесь читаю Блока? Как это возможно, что я вообще сюда попал, в эту страну? Что у меня может быть общего с ней? Ничего. — Не было. Нет. И не будет.

20 января, понедельник

Мучительная ночь, задыхался. Заснул очень поздно, под утро. <...>

Ужасное состояние. Со всех сторон обступивший хаос. Как с ним бороться? Ведь никому даже объяснить ничего нельзя. Состояние специфически связанное с Америкой. С отсутствием подлинной реальности. Решительно все основано на непрерывном оппортунизме и компромиссе. Эфемерное существование, только кажущееся. И непрерывное царство вульгарности и жуткого хамства, во всех его личинах. Но ведь никто не замечает! Все считают, что это нормальное явление — «американский образ жизни». Ничего общего с подлинным духом демократии он не имеет. Все движется по схемам и выработанному трафарету. И все добровольно и очень пассивно этому подчиняются. Добровольное рабство недорослей и дураков — очень выгодное прохвостам, спекулянтам и ворам.

¹¹⁷ Вероятно, Иван Павлович Кобеко (1892 – после 1961), эмигрант, один из известных русских масонов.

¹¹⁸ А. А. Ахматова жила в Ленинграде по этому адресу вместе с семьей И. Н. Пуниной с 1961 года.

¹¹⁹ «Четыре континента» (The Four Continents), книжный магазин на Манхэттене (822 Broadway), через который распространяло советские издания всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.* Самопознание; опыт философской автобиографии. Париж: YMKA-Press, 1949.
- Блок А.* Поэмы. 1911—1921. Двенадцать. Скифы. Возмездие // *Блок А.* Собрание сочинений. Том 5. Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
- Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. Сост., подготовка текста, предисловие и примечания В. Орлова. М.: Художественная литература, 1965.
- Блок А.* Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 8. М.—Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963.
- Блок А.* Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905—1921 Л.: Художественная литература, 1982.
- Блок А.* Собрание сочинений: В 6 томах. Т. 6. Письма. 1898—1921. Л.: Художественная литература, 1983.
- Бунин И.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950.
- Иванов Г.* Петербургские зимы. СПб.: Азбука, 2000.
- Кралин Н.* Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. Томск: Водолей, 2000.
- Лурье А.* Детский рай // Воздушные пути: Альманах. Вып. III. Нью-Йорк, 1963.
- Львов-Анохин Б.* Галина Уланова. М.: Искусство, 1970.
- Мейлах М., Бобрин О.* Семья Жака Маритен и русские музыканты // Музыкальная Академия. 2010. № 2.
- Прокофьев С.* Дневник. 1907—1933. Часть вторая. Париж: sprkfv, 2002.
- Пунин Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. Сост. Л.А. Зыков. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.
- С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский. Переписка. М.: Советский композитор, 1977.
- Хлебников В.* Зангези (1922) // *Хлебников В.* Творения. Общ. ред. и вст. статья М.Я. Полякова. Сост., подготовка текста и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М., 1986.
- Хлебников В.* Война в мышеловке (1915—1922) // *Хлебников В.* Собрание сочинений в 3 томах. Т. 2. Поэмы и «сверхповести», драматические произведения. СПб.: Академический проект, 2001.
- Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008.
- Чуковский К.* Дневник. 1901—1929. Подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1997.
- Шлецер Б.* Музыкальные заметки // Последние новости. 1938. № 6216 (2 апреля).
- Maritain R.* Les Grandes Amitiés. Éditions Parole et Silence, 2000.
- Rubsamen W. H.* Schoenberg in America // The Musical Quarterly. Volume XXXVII. Issue 4. October 1951.